

Глава 1. Пробуждение

Ветер донёс густой, терпкий запах.

Сквозь пелену забытья юноша приоткрыл веки. У его ложа, склонившись, сидела девушка с утончёнными чертами лица. Она с обманчивой нежностью подносила к его губам чашу с лекарством.

[Внимание, яд]

[Внимание, яд!]

Сонливость как рукой сняло.

Когда веки того, кто уже почти простился с жизнью, резко распахнулись, все присутствующие вздрогнули от неожиданности.

Лишь спустя некоторое время женщина у кровати первой пришла в себя. Она сделала вид, что облегчённо вздыхает, но улыбку смогла из себя выдавить с большим трудом.

— А Сун, ты наконец-то очнулся.

— Сперва выпей лекарство, — подхватила она, и стоявшая рядом служанка вновь потянулась к нему с чашей.

Глядя на тёмное варево, Жун Цзюань поднял глаза и понял, что на него устремлено ещё несколько пар глаз.

Спустя пару мгновений выражение его лица изменилось.

— Голова... раскалывается.

С этими словами он резко сел на кровати, будто очнувшись от кошмара, и, подняв руку, чтобы потереть виски, локтем отшвырнул подбиравшуюся к нему служанку.

Лекарство разлилось по полу. Служанка в ужасе посмотрела на госпожу.

— Г-госпожа...

— Вон отсюда! — оборвала её женщина. — Даже лекарство подать не можешь.

Произнеся это, она сама подошла ближе.

Зрение постепенно прояснялось, и юноше показалось, будто перед ним зажётся светофор — так ярко сверкали украшения. Женщина была сплошь увешана жемчугом и нефритом, её полная фигура и белоснежная кожа подчёркивали округлое лицо с милovidными, по-детски наивными чертами. Однако во взгляде, полном нежности, таилось нечто большее.

Стоявшая рядом пожилая служанка тут же вставила:

— Госпожа так волновалась о молодом господине, что сегодня утром даже не притронулась к еде.

Жун Цзюань кивнул. Видно было, что она «очень» волновалась.

Он не спешил поддерживать разговор. Женщина, решив, что он напуган, вздохнула:

— Ты совершил чудовищное преступление. Подумай лучше, как будешь объясняться с отцом.

К её удивлению, тот, кто обычно больше всего боялся своего отца, не выказал ни страха, ни смятения. Он вообще никак не отреагировал.

Спустя долгое молчание Жун Цзюань наконец задал свой первый вопрос:

— Что я натворил?

Женщина посмотрела на него со странным выражением.

Пожилая служанка пояснила:

— Господин по делам покинул столицу и ещё не вернулся.

Подразумевалось: «Господин в отъезде, так для кого вы притворяетесь?»

Но переселенец по-прежнему выглядел растерянным.

Видя это, женщине пришлось объяснить более деликатно:

— Когда ты на улице приставал к девушке, она ударила тебя локтем.

Подробности изложила пожилая служанка.

Вкратце: юноша, в чьём теле он очнулся, — сын самого канцлера, целыми днями якшался со всяким сбродом и позволял друзьям использовать себя. В этот раз его подбили пьяным пристать к девушке. По несчастной случайности он напугал лошадей из кортежа Великого инспектора. Испуганные животные ворвались в таверну «Первая под небесами», и от столкновения вывеска заведения рухнула.

А вывеска эта была написана рукой предыдущего императора. Таким образом, он повредил дар самого государя.

Вспомнив слова о «чудовищном преступлении», Жун Цзюань спросил:

— Так меня казнят?

— Не казнят, а женят, — поправила женщина.

Он подумал, что она оговорилась:

— Что-что сделают?

— Женят.

При упоминании брака её тон стал каким-то странным.

«Чёрт, значит, всё-таки казнят»

— И когда же у нас заgrabная свадьба? — серьёзно уточнил Жун Цзюань. — Моя невеста давно мертва?

Женщина пристально посмотрела на него.

«Неужели он и впрямь повредился умом?»

— Что до разбитой вывески, господин уже направил ко двору доклад с повинной. К счастью, Его Величество не стал придавать этому большого значения. Проблема в другом — в Великом инспекторе.

Управление по надзору было создано лично императором, чтобы ослабить власть канцлера. Нынешний Великий инспектор пользовался безграничным доверием государя, и даже высшие сановники трепетали перед его методами.

Сказать «трепетали» — значит польстить. Это ведомство наводило на всех панический ужас. Немало чиновников, даже из числа императорской родни, сгинуло в его застенках.

— Ты напугал его лошадей. Если он ухватится за этот инцидент, боюсь...

— Господин передал, что для благополучного исхода дела тебе потребуется заступник. Посему ты должен жениться на дочери Великого наставника Су.

Жун Цзюань заметил, как при упоминании этого брака пальцы женщины нервно сжались. Она не могла скрыть раздражения, словно говорила о жабе, возжелавшей мяса лебедя.

Значит, партия была весьма выгодная.

Вспомнив о «подвигах» оригинала, он удивился:

— Дочь наставника Су согласится выйти за меня?

«Она что, слепая?»

— Дочь семьи Су слепа от рождения. Так что согласится.

— ...

Выяснив всё необходимое, Жун Цзюань выпроводил гостей, натянул на голову мягкое одеяло и затворился от мира.

Вылитый бездельник, пытающийся сбежать от проблем. Пожилая служанка нахмурилась и уже хотела что-то сказать, но женщина остановила её жестом.

— Что ж, отдыхай, — произнесла она, не выказывая желания задерживаться.

В комнате вновь воцарилась тишина.

Лишь когда все ушли, юноша лениво откинул одеяло.

— Коу-Коу, ты здесь?

В пустой комнате раздался лишённый энтузиазма ответ.

[Здесь ты или нет, я всегда тут. Просто ещё не проснулся.]

— ...

Убедившись, что Система на месте, Жун Цзюань немного расслабился.

Это было спланированное, организованное перемещение. Прежний владелец тела был мёртв. Тот, кто очнулся сейчас — всего лишь переселенец, лишённый каких-либо воспоминаний оригинала.

Система с позывным «Коу-Коу» была выдающимся мыслителем, политиком, педагогом и историком современности. Чтобы задокументировать недостающие фрагменты ключевых событий, она искала партнёров для путешествий во времени, дабы стать свидетелями истории.

Несмотря на лень, она привычно систематизировала исторические данные об этой эпохе:

[Династия: Поздняя Лян]

[Император: Император Гуан из Лян, Чжао Шицян]

[Личность переселенца: Сын Правого канцлера Жун Чэнлиня]

В его сознании всплыла панель с этими строчками. Жун Цзюань криво усмехнулся:

— Коу-Коу, ты бесполезный кусок исторического мусора.

«И что мне делать с этой информацией?»

Система, осознавая свою вину, выползла из его разума.

[Ладно, пойду разузнаю что-нибудь ещё.]

Жун Цзюань проводил её взглядом и заметил бронзовое зеркало. В нём отражалось лицо, на восемь-девять десятых схожее с его собственным: миндалевидные глаза, от природы выразительные, и черты, в которых проскальзывала некая утончённая красота.

Сходство во внешности было нормой — мера предосторожности от потери самоидентификации. Один из его предшественников после многочисленных перемещений забыл, как выглядел на самом деле, и сошёл с ума.

Ходила и другая теория: тела, в которые они вселялись, были их собственными прошлыми воплощениями, оборвавшимися трагически. Юноша в это не верил. Его опыт подсказывал, что личности этих тел кардинально отличались от его собственной. Скорее всего, это была лишь байка штаба для успокоения рассудка.

Лицо в зеркале было прекрасно, но его портил большой синяк — след от того самого удара локтем.

[Кстати...]

Система вернулась на полпути, словно хотела что-то сказать, но обнаружила, что Жун Цзюань уже заснул, сидя перед зеркалом.

«Чёрт, да он ленивее меня»

Каждое перемещение требовало периода адаптации. Юноша сладко проспал час, и когда Коу-Коу вернулась, было уже поздно.

[Малыш Жун. Я подслушала восемьсот разговоров, включая хозяина поместья, слуг, болтливых прохожих и даже кур с утками на кухне... и составила новый отчёт.]

Жун Цзюань, с распущенными волосами, полулежал, оперевшись на подушки. Пробежав глазами отчёт, он удивлённо вскинул бровь:

— Ну и семейка.

Оригинала звали Жун Хэнсун. Его отец, Правый канцлер, до свадьбы тайно встречался с обедневшей подругой детства. Вскоре после женитьбы та заявила к нему беременной. Законная жена терпела два года, а потом ушла в монастырь.

Жун Чэнлинь, человек, которому было плевать на репутацию, хоть и подвергся осуждению, но после этого случая его карьера пошла в гору. А Жун Хэнсун оказался никчёмным: постоянно влипал в неприятности и творил зло, пользуясь влиянием семьи. Со временем даже толика сочувствия к нему иссякла.

— Твой старший брат, рождённый вне брака, сейчас в отъезде с отцом.

— Вне брака родился не он, а... Впрочем, неважно, — он не стал поправлять Систему и продолжил слушать.

[Оригинал и впрямь был негодяем, но, скорее всего, его намеренно таким воспитали. Его смерть подозрительна — медленное отравление. В той утренней чаше с лекарством тоже был

яд.]

Жун Цзюань наконец поднялся с ложа. Солнечный свет упал на его неестественно бледную кожу, придавая ему болезненный вид. Тело и впрямь было в плачевном состоянии.

— Неудивительно, что я чувствую такую апатию.

[Вздор, ты всегда такой на работе.]

— Неужели никто не замечал ничего странного?

[Все считали, что его здоровье подорвано вином и женщинами.] — протарахтела Система. — [На самом деле его тело давно отравлено, он импотент, поэтому и приставал к порядочным женщинам, чтобы скрыть свой недуг.]

Металлический голос Коу-Коу вдруг стал неестественно бодрым:

[В любом случае, соберём пару обрывков истории, и можно уходить. И знаешь, какая у нас на этот раз задача?]

Юноша равнодушно бросил:

— Какая?

[Всего лишь узнать, кто станет новым императором.]

В него словно вдохнули жизнь:

— Серьёзно?

[Абсолютно.] — самодовольно заявила Система. — [После правления императора Гуана из Лян, Чжао Шицян, в истории зияет огромный пробел.]

Им нужно было лишь выяснить, кто сверг императора. Даже одно имя стало бы исторической вехой. Снаружи внезапно стало шумно.

[Когда я выходила, в поместье уже готовились к свадьбе, начали вырезать украшения из бумаги.]

— Это традиционные узоры.

Задача казалась простой, но старт был катастрофическим. Жун Цзюань вздохнул: отравление, семейные интриги, политический брак — всё свалилось разом.

[Малыш Жун, я провела расчёты. Твоё положение крайне шаткое.]

[В поместье всем заправляет мачеха. Судя по её поведению, яд — её рук дело. Если ты её раскроешь, тебе не поверят, и ты сам навлечёшь на себя беду.]

Жун Цзюань задумался:

— А если тайно найти лекаря со стороны?

[Это редкий яд, обычный лекарь его не определит.]

Система вновь напомнила о его дурной репутации: даже если кто-то обнаружит яд, все сочтут это клеветой.

[Брак спасёт тебе жизнь. Переживём это, соберём данные, а потом инсценируем смерть и сбежим.]

До свадьбы оставалось несколько дней. Отказ от брака позволил бы Управлению по надзору использовать инцидент с лошадьми как предлог для расправы. Юноша провёл рукой по изголовью кровати из палисандра, погружившись в мысли. Спустя время он лениво произнёс:

— Вообще-то, есть и другой способ.

[ИИ сказал, что есть только...]

— ИИ забыл, что в мире без полиции извинения работают. Так что пойдём, извинимся перед Великим инспектором.

Если нет полиции, извинения могут быть весьма эффективны.

[?]

Жун Цзюань небрежно поправил одежду, обнаружив в ухе нелепую серьгу. Он с любопытством потрогал её, взял кошелек и вышел из комнаты.

***

Королевская столица всегда была оживлённым местом, но за её блеском скрывались тёмные течения. В последнее время знатные дома усилили охрану, так как в город проникали грабители, и дело доходило до крови.

Стук колёс кареты нарушил рыночную суету. Прохожие, увидев герб Управления по надзору, спешно расступались. Экипаж только что покинул императорский дворец.

Внутри сидел мужчина средних лет с преждевременной сединой. Его лицо, всё ещё красивое, было гладко выбрито. Он сидел с закрытыми глазами, отдыхая. Слева от него подчинённый ухмыльнулся:

— Господин, канцлер Жун вздумал женить сына на дочери семьи Су. Мечтать не вредно.

Чтобы жениться, нужно для начала остаться в живых. Этого распутника можно было прикончить под любым предлогом.

Внезапно лошади заржали. Карета резко затормозила.

Улыбка мгновенно сползла с лица подчинённого. Он молниеносно выхватил меч, заслоня начальника, и грозно спросил:

— В чём дело?

— Кто-то преградил дорогу, — испуганно ответил кучер.

Подчинённый увидел юношу, выскочившего словно из-под земли. Тот неторопливо подошёл и остановился. Это лицо он видел всего несколько дней назад — тот самый бездельник из поместья Жун.

Жун Цзюань не выказал ни малейшего страха. Он поклонился карете и произнёс:

— Несколько дней назад я напугал лошадей Великого инспектора. Сегодня я пришёл, чтобы извиниться.

Неожиданная сцена привлекла внимание многих. Прохожие издали с любопытством наблюдали за происходящим, перешёптываясь:

— Эй, а это не сын канцлера Жун?

— Естественно, его вся столица знает.

Горожане были бы рады увидеть, как этого негодяя схватят и казнят. Подчинённый холодно усмехнулся:

— Высокоставленный чиновник был травмирован и получил внутренние повреждения. Неужели ты думаешь, что всё можно решить одним извинением?

Жун Цзюань моргнул.

«Внутренние повреждения?»

«Вот это уровень. Вышел на большую дорогу вымогать деньги, а даже перелом изобразить поленился»

Он кашлянул:

— Говорят, переломы срастаются сто дней, а вот внутренние раны остаются на всю жизнь...

При этих словах улыбка подчинённого застыла. Зеваки тут же бросились врассыпную. По городу ходили слухи, что Великий инспектор в результате несчастного случая повредил «самое главное» и с тех пор не мог иметь детей. Кто бы мог подумать, что найдётся смельчак, который осмелится язвить ему в лицо.

Но не успели они далеко уйти, как донёсся громкий голос:

— Я не спал ночами, ворочался с боку на бок. Есть лишь один способ загладить мою вину.

Все увидели, как Жун Цзюань прижал пальцы левой руки к ладони правой и резко согнул суставы. Этот жест заставил подчинённого насторожиться.

Изобразив коленопреклонение двумя пальцами, юноша сделал ими пару шагов по ладони и произнёс:

— Если ваша милость не отвергнет меня, Сун желает признать вас своим крёстным отцом.

Эти слова, произнесённые чётко и ясно, эхом разнеслись в наступившей тишине. Улица замерла. Лишь ветер колыхал полог кареты, из-за которого на мгновение показались глубокие, холодные глаза.